

КУТУЗОВА ЕЛЕНА

6+

СРЕВННЕЕ
ПРОКЛЯТЬЕ

Свет упавшей звезды

Елена Кутузова

Древнее проклятье

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Кутузова Е. Г.

Древнее проклятье / Е. Г. Кутузова — «ЛитРес: Самиздат»,
2018 — (Свет упавшей звезды)

Жизнь Стеллы изменилась, едва она попала в другой мир. Мир, полный тайн, интриг и заговоров. Мир, подаривший ей настоящую любовь. Но долго ли продлятся эти чувства? На Ранко надвигается новая напасть, и Император уверен, что только Стелла сможет остановить древнее проклятье. Для обложки использованы изображения со стока shutterstock.

Бежать по мощеной сероатой плиткой дорожке было легко. Вокруг буйствовала зелень. Упорный труд садовников не пропадал впустую – строгая гармония царила даже здесь, в месте, предназначенном для воинов – ёнмиранов.

Легкий изгиб тропинки, и взору открылся большой пруд с ажурным павильоном в центре. Вода тихо плескала о сваи, зеленая крыша, увенчанная фигурами журавлей, приподняла края, словно готовясь взлететь. А за кинокарными столбами уже можно различить мужчину.

– Хансо-ран!

Камень под ногами сменился деревянным настилом. Невысокие перила оберегали от падения в воду, из глубины поднимались разноцветные рыбки в надежде, что их покормят... Но мне плевать и на рыбок, и на воду, и на юбки, что мешают бежать. Я так долго ждала этой встречи! Бесконечные месяцы в Террахе скрашивали только мечты о Хансо-ране, и они же помогли перенести все унижения.

Он спешит навстречу, раскрывая объятия. А я словно натыкаюсь на стену. Прозрачную, глухую, из толстого стекла. И она не только преграждает путь. Она отсекает даже звуки. Плеск воды, шелест листьев, писк носящихся над озером ласточек... Все исчезает.

И счастливый смех Хансо-рана звучит глухо...

– Стелла!

При звуках любимого голоса сердце пропускает удар. И еще. И еще. Я не могу отвести взгляд от волос Хансо-рана. Куда делась знакомая грива, дикая смесь косичек, лент и бусин? Вместо неё – аккуратный пучок на макушке. И только свиное перышко, вплетенное в единственную свободную прядь, напоминает, что передо мной – ёнмиран.

– Стелла?

Радость в глазах Хансо сменяется недоумением, когда он видит ладонь, вскинутую в запрещающем жесте.

– Стелла, что случилось?

Я уже не в силах радоваться встрече. Не могу оторвать взгляда от пучка, украшенного своеобразной серебряной втулкой. Она обвивает волосы вместо ленты. Красивая, с черными узорами.

– Хансо-ран... – говорить трудно, в горле как будто комок застрял. Слова прорываются наружу тяжело, почти больно. – Хансо-ран, ты... женился?

– Да.

От равнодушного ответа ноги подкосились. Я с трудом смирила ослабнувшие колени, но окружающее исчезло, растворилось, оставив лишь одну мысль: мой Хансо-ран женился!

Мир, который я создавала по крупице, чтобы хоть как-то выжить, разлетелся на мелкие осколки. Фарфоровая чашка, упавшая на каменный пол. Зеркало, которое сбросили с высоты. Крохотные кусочки не собрать, не сложить обратно...

– Но...

Сердце теперь не замирало – стучало, как боевой барабан, а руки дрожали. Пришлось сжать подол платья, чтобы Хансо-ран не заметил. В этом мире нельзя вот так открыто показывать эмоции – ударят не задумываясь. Разве что друзья пощадят.

Но как назвать другом – предателя?

Вспомнились первые дни знакомства. Как он вез меня через лес. Мы ругались, спорили... Но за спиной этого мужчины было безопасно. Он получил от своего короля приказ доставить меня во Дворец и готов был сделать это несмотря ни на что. Даже ценой своей жизни.

И после... Тоненькая ниточка доверия постепенно крепла. Хансо-ран помогал выдерживать и тоску по дому, и отчаяние. Учил не опускать руки, бороться до последнего. Здесь, в этом чуждом мире, с помощью ёнмирана я строила свой, тот, в котором могла бы жить. С ним. С любимым мужчиной.

Вспомнились письма, полные тоски. Стихотворные строки складывались в печальную песню, рвали душу, заставляли сердце плакать. И это – обман? Ложь? Пока я считала дни до возвращения из Тетраха, Хансо-ран... женился!

– Стелла, что происходит?

Он все-таки подошел, заглянул в лицо:

– Ты здорова? Я не...

Видеть любимого, такого спокойного, явно не понимающего, что произошло, было пыткой. И едва ли не впервые с момента попадания в этот мир меня накрыла истерика.

Слезы вырвались наружу, а вместе с ними лопнул ком в горле, выпустив рыдания:

– Как? Как ты мог? Значит, все твои слова о любви... Ты врал мне все это время! А я верила, дура! Какая же я дура!

Хотелось умереть. Прямо сейчас. Лишь бы не чувствовать этой боли, этого отчаяния... и не видеть непонимающих темных глаз на растерянном лице.

Невозможно! Не могу больше!

Шелк легких юбок путался в ногах, пришлось подхватить двумя руками. Гулко отозвались шагам доски мостика, а гранитная плитка встретила тишиной.

– Стелла!

Окрик отразился от воды и запутался в гибких ветвях ивы. Я не смогла оглянуться, даже чтобы увидеть Хансо-рана в последний раз.

Как добралась до дома, не помнила.

– Госпожа! – встретила у порога новенькая служанка. – Там гонец от Императора!

Она знала, что я близка ко двору, но посыльный от Его Величества вселил в неё трепет.

– Хорошо. Зови.

Больше всего на свете хотелось забиться куда-нибудь в уголок, подальше от людей, от самой жизни. Зачем я нужна Ёншину? Письменные отчеты уже давно отправились в канцелярию, а официальный доклад представлю завтра утром, на общем Совете.

Но Император требовал немедленной встречи. Свиток из шелковой бумаги, перевязанный алым шнуром, не оставлял мне выбора.

– Одеваться!

Служанка засуетилась, подгоняя остальных девушек – их наняли специально к моему возвращению.

Второй раз за день я входила во Дворец. Только утром вбежала через небольшие ворота, предназначенные для слуг, а теперь паланкин остановился напротив Врат Солнечного Света. Они стояли нараспашку, и стражники в алых кожаных доспехах несли караул справа и слева.

Служанка помогла подняться с жестких подушек. В бесчисленных парчовых юбках сделать самой это было трудно. А еще прическа! Накладные косы крепились длинными шпильками и украшались драгоценностями. Я требовала втыкать в волосы как можно меньше, но визит во Дворец – особый случай. А еще Совет! От одной мысли о завтрашнем дне заняла шея.

Два алых копия с золочеными лезвиями перекрыли мне путь. Служанка сопровождения тут же протянула металлическую пластину – пропуск. Осмотрев его со всех сторон, командир взмахнул рукой, давая знак пропустить.

Мошечные дорожки, обрамленные травой. Справа и слева – постройки, выкрашенные красным, синим и зеленым. Узоры окутывали приподнятые на каменных опорах дома от фундамента до самых крыш. Да и их украшали резные фигуры: драконы, птицы, львиноподобные собаки. Я прошла мимо, оставив ведомства чиновникам. Впереди ждал Дворец Благополучия.

У входа, кроме слуг и придворных, толкались ёнмино. Их значки успокоили – встречаться с Хансо-раном не хотелось. Совсем. Но именно с ним и столкнулась в кабинете.

Император сидел на возвышении, за столом. Стараясь не глядеть на ёнмирана, я приблизилась и чуть присела в книксене – здесь, вдали от суровых глаз чиновников, Ёншин позволял старым друзьям такую роскошь, как несоблюдение этикета.

– Я рад видеть тебя живой! – император спустился со своего места. – А где собаки?

– В питомнике.

Брать их с собой лишний раз не хотелось, особенно после того, что случилось в Террахе.

– Жаль. Я соскучился. Думал, повожусь немного, отдохну...

– В следующий раз приведу. Ваше величество, доклад о...

– Завтра. Все – завтра. Я просто хотел удостовериться, что ты в порядке. Вести прибывали тревожные. Думал, с ума сойду! И не только я, – он с улыбкой посмотрел на Хансо-рана и осекся.

Ёнмиран сидел, словно кол проглотил. Во взгляде читалось напряжение.

– Что случилось? Хансо... Стелла? – Император переводил взор с меня на ёнмирана. – Вы что, поругались?

– Нет, – пожала плечами.

Ёншин помрачнел:

– Очень на это надеюсь. Не хотелось бы постоянно видеть такое выражение лиц.

Хлопок в ладоши прозвучал, как выстрел. Слуги тут же переставили ближе к центру комнаты круглый стол, придвинули к нему табуретки, больше напоминающие барабаны, принесли подносы с едой и испарились.

– Я хочу выпить! – Ёншин лично разлил вино из узкогорлого кувшинчика. – Выпить за то, чтобы друзья всегда возвращались живыми!

Императору не отказывают. Да и тост... хороший. Мы осушили чарки до последней капли. Вино пахло душистыми травами и немного медом.

– Хансо! Твоя очередь!

– Да.

Он словно от сна очнулся. Плотно сжатые губы, в лице – ни кровинки. И этот взгляд, полный боли.

В груди заныло. Захотелось подойти, обнять, успокоить... Но пучок из гладко зачесанных волос останавливал вернее крепостных стен.

– Так!

Ладонь Императора ударила о столешницу. Посуда жалобно звякнула.

– Мне надоела ваша игра в гляделки. Как дети, честное слово! В общем, так, вот вам мой указ!

Пришлось встать. Хорошо, что это не зал советов, там требовалось еще и склонить колено, принимая императорскую волю.

– Я сейчас запру вас здесь до тех пор, пока не разберетесь между собой. Смотреть на постные лица – еще то удовольствие.

И, выполняя угрозу, Ёншин вышел. Деревянная перегородка чуть-чуть заглушила приказ: не выпускать ёнмирана и Мастера над собаками до особого распоряжения.

Мы стояли друг напротив друга и не смели поднять глаз. Я чувствовала себя идиоткой. И очень злилась. На Императора, на Хансо-рана и на неведомую мне женщину, которая теперь имела полное право назвать его своим мужчиной. Но больше всего проклинала собственную судьбу: она сначала лишила меня Родины, а теперь отняла и любимого. А самое противное, что здесь, в этом мире, меня не поймут – в Ранко практиковалось многоженство.

– Стелла!

Я отшатнулась от протянутых рук.

– Да что с тобой? Что случилось?

А я смотрела на его прическу и не знала, что ответить.

– Из-за этого? – Хансо-ран прикоснулся к пучку на голове. – Из-за того, что женился, да? Ну ты меня и напугала.

Смех, в котором слышалось облегчение и искренняя радость, полоснул по сердцу ударом острого ножа. И я снова отступила, уклонившись от объятий.

– Стелла! – смех захлебнулся. – Да объясни же! Ты что, ревнуешь? Обиделась? Глупая! Какая разница, какая жена по счету, если мы вместе?

– Боюсь, я вообще не смогу стать твоей женой. Ни первой, ни второй. Ни, тем более, наложницей.

– Да почему? – ёнмиран действительно не понимал. – Боишься Туанти? Она хорошая девушка и нам не помешает!

– И ты... так спокойно переступишь через её чувства?

Я изучала обычаи. Многоженство не стало сюрпризом. Но о том, что мой Хансо может вот так отзываться о женщине, которая стала его супругой?

– Она знала, на что шла. Договорные браки редко бывают счастливыми. Но я постараюсь, чтобы она ни в чем не знала нужды. Это долг мужа.

– Ты не любишь её, – оставалось только пожалеть бедняжку.

– Нет, – легко согласился Хансо-ран. – Люблю я тебя. А её – уважаю. Прости, что не смог жениться сперва на тебе. Родители настояли, чтобы в мой дом сначала вошла Туанти.

– А потом приводи кого хочешь? Хоть хромую козу? – горько поинтересовалась я.

Хансо вскинулся отрицать, но стих. Не умел он этого – доказывать свою правоту. Потому что редко ошибался.

– Ты же знаешь заповеди ёнмиранов! «Верность государю. Разборчивость при убийстве. Искренность с друзьями...»

– Почтительность к родителям! – закончила я за него.

Хансо-ран не лгал. Если старшие в семье приказали, выбора не оставалось.

– Помнишь, я рассказывала тебе о моем мире? О людях? О традициях?

Горько было видеть, как сползает с его лица ласковая, чуть снисходительная улыбка. Так относятся, к детям когда они чего-то не понимают. Но теперь ошибся сам Хансо-ран.

– Ты... это серьезно? Хочешь сказать...

– Я принадлежу к народу, в котором женщины не делят своих мужей с другими.

– Но ты сейчас в нашем мире! Вот и живи по нашим законам!

– Нет, – пришлось собрать всю волю, чтобы не закричать, не затопать ногами, не кинуться на Хансо с кулаками. – Я никогда не смогу делить с кем-то... – захотелось сказать «тебя», – ...своего мужчину. Вот такая... собственница.

По местным меркам это считалось грехом. Женщина не смеет ревновать своего мужа к другим супругам или наложницам! Но... мне-то что до того? Чужачка, я с самого начала не вписывалась в каноны.

– Я что-нибудь придумаю!

Хансо-ран не желал сдаваться. Как мне нравилась эта его черта! Сердце зашло болью. Казалось, оно кровоточит и вот-вот остановится обессилев. И как же этого хотелось!

Но ёнмиран не замечал. Стоял напротив и не видел, как я буквально умираю от боли!

– Стелла, знаю, что ты упрямая и всегда добиваешься своего. Но все же подожди немного! Совсем чуть-чуть. Я вымолю у родителей разрешение на развод! Попрошу Императора... Он не откажет, не сможет. Лоб разобью в поклонах, если это понадобится...

Я смотрела и не узнавала. Это мой Хансо-ран? Его словно подменили. Суетливый мальчишка, говорящий слишком много. Неужели все на самом деле так плохо, что он забыл о сдержанности, второй добродетели ёнмирана?

– Не надо.

– Я... Что?

Хансо услышал не сразу, а потом замер, боясь поверить.

– Ты... согласна?

– В этом нет никакого смысла. Хансо-ран, знаешь, как в моем мире называют женщин, которые уводят из семьи мужей? У вас такого и слова-то нет, – я усмехнулась, чтобы не дать волю слезам. Голос и так уже предательски подрагивал.

– Да какое мне дело до твоего мира! – он закричал, и от удара содрогнулся золоченый столб, поддерживающий крышу.

Эмоции. Хансо-рана они переполняли не меньше, чем меня. Но обида окрашивала все в черный цвет. Бережно сохранять в душе осколки прошлого, беречь, лелеять... Чтобы отказаться? Забыть? Просто потому что тот, кто клялся любить и защищать, теперь велит принять чуждые обычаи. Перестать быть собой?

Только бы не расплакаться!

– Ты сделал свой выбор, Хансо-ран. Как и я – свой.

Пустота. Наверное, можно жить, если отрезали руку или ногу. Но что делать, когда забрали душу?

Нюта и Даша радовались встрече так, словно не виделись несколько дней. Я задержалась во дворе, чтобы хоть немного повозиться с ними. И тут же услышала испуганный возглас.

Служанка возмущалась, что пачкается нарядное платье.

– Собаки могут повредить украшения! А они дорогие!

– И что с того? – от неожиданности я попятилась.

А девушка завизжала – Даша клацнула зубами прямо возле моей руки, сжимающей мячик.

– Собака укусила госпожу!

Вопль поднял на ноги всех домочадцев: от простых слуг, до воинов, прошедших со мной Террах.

А мы с Дашей удивились.

Она с недоумением смотрела на переполох. А Нюта, решив, что сейчас будет происходить что-то веселое, виляла хвостом так, что её немного заносило.

Успокоить всех оказалось нелегким делом. Меня крутили, вертели в разные стороны, стараясь найти следы покусов, и не находили.

– Простите, госпожа, – после кланялся управляющий. – Она новенькая, еще не знает всего. Я должен был ей все объяснить...

Пришлось успокаивать испуганную девушку:

– Если Даша кого-то укусит... последствия увидишь сразу. Пойдем в дом. День выдался тяжелым.

Довольные произошедшим собаки пыхтели рядом. Служанка старалась держаться от них подальше, и я в сотый раз пожалела, что рядом нет Линен. Она бы поняла. А если и нет, все равно встала бы на мою сторону! Да и собаки рядом с ней не нервничали.

– Учитель!

Задорный, звонкий голос. Я обернулась так, что подол юбки взметнулся и ветерок коснулся лодыжек.

– Куён!

Навстречу, улыбаясь, бежала девушка в мужской одежде.

Я обрадовалась. Даже не подозревала, как соскучилась по этому сорванцу. А еще... еще она могла отвлечь от тяжелых мыслей и заставить хоть ненадолго забыть о пустоте, поселившейся где-то глубоко в душе.

– Учитель, я так рада, что вы вернулись! – она низко поклонилась.

И тут же была атакована собаками. Нюта не выдержала первой, а Даша с охотой включилась в общую возню на полу.

Я дала им поздороваться. И отправила на место, когда смеющаяся Куён поднялась на ноги.

Она изменилась. Вытянулась, походка приобрела некоторую плавность. И во взгляде появилось что-то новое.

– Ты повзрослела! Уже не робкая девчушка.

Куён потупилась и залилась краской.

– Не смущайся! Вижу, ты теперь тоже носишь мужскую одежду?

– Она удобнее, – пожала плечами девушка.

Здесь, в Ранко, особо не возмущались подобным переодеванием. Но дедушка Куён считал, что не пристало женщине вмешиваться в занятия мужчин. И постоянно ворчал, что внучка пропадает на псарне вместо того, чтобы готовиться стать хорошей женой.

– А он до сих пор ворчит, – рассмеялась девушка моим воспоминаниям. – Правда, постоянно спрашивает, как дела!

– И как они?

– Вот!

Она махнула рукой. В комнату, неслышно ступая ногами в белых носках, вошел... ёнмино? Я смотрела на его одежду, но не находила знаков покровителя.

Юноша поклонился и протянул Куён поднос со свитками. Молча.

Я смотрела на них и веселилась. Ёнмино выглядел старше девушки лет на пять и при этом слушался беспрекословно. Ёнмино! Мою Куён! Однако!

– Кто ты? Кто твой ёнмиран?

– Ланху приветствует госпожу Мастера над собаками и выражает свое почтение!

За положенной формулой последовал предписанный этикетом земной поклон. Так ученик кланяется учителю. Но... я этого юношу не знала.

– Кто твой ёнмиран? И почему ты называешь меня своим Мастером?

– Его величество лично избрал для обучения нескольких молодых дворян, – парень выпрямился, но с колен не встал. В голосе слышалась гордость. – Он избавил меня от знаков господина, дабы ничто не отвлекало...

От высокопарного, «дворцового» слога челюсти свело. Куён тихонько хихикала, наблюдая со стороны.

– А ну, потрудишься и объясни, что здесь происходит? Что за ученик, о котором я знать не знаю, ведать не ведаю?

Смех прекратился. Девушка сложила руки на животе и почтительным голосом сообщила:

– Его величество избрал нескольких ёнмино, дабы они прошли обучение и получили собак. Государь и Хансо-ран решили, что подобный отряд будет полезен для будущего Ранко.

Опять Хансо-ран. Чтобы скрыть слезы, пришлось отвернуться.

– Мне нужно переодеться. Потом идем в питомник. Записи просмотрю позже.

Куён явилась вовремя: работа – лучшее лекарство от разбитого сердца. Загрузить тело и голову так, чтобы отключаться, едва добравшись до кровати. Устать так, чтобы не было желания думать... А потом на помощь придет милосердное время.

– Отнести все в кабинет?

Куён знала, что делать. Я уже отвыкла от такого: с той поры, как ранили Линен, приходилось сживаться с новыми служанками и все им объяснять.

Но основную задачу они знали хорошо.

Едва вошла в спальню, как ко мне подступили с влажными полотенцами и чистой одеждой.

– Спасибо, дальше я сама!

Они замерли, нерешительно переглядываясь. Пришлось повторить. Выходили медленно, словно боясь, что передумаю, позову обратно. Но мне требовалось несколько минут полного одиночества.

Потратила их, свернувшись на кровати клубочком. Слезы текли рекой, а закушенный угол одеяла не позволял рыданиям вырваться наружу. Успокоилась, только когда голова стала напоминать большой и звонкий колокол.

Холодная вода освежила, немного привела в чувство. И мужская одежда, украшенная вышивкой, показалась привычной. Выдохнув, вышла в коридор.

Снаружи уже ждали. Служанки было двинулись следом, но, заметив, что я недовольна, Куён отправила их обратно.

– Спасибо.

Девушка хитро улыбнулась в ответ и шикнула на Ланху, который подошел слишком близко:

– Имей почтение! Ты даже не ёнмиран!

Парень испуганно отпрянул, бормоча извинения. А я... рассмеялась. Хохотала так, что голова закружилась. А Куён испугалась:

– Учитель! Что с вами?

– На сколько лет он старше тебя? – я, наконец, отдышалась.

– На пять. А что?

Смеха сдержать не удалось. Ситуация для этого мира совершенно анекдотичная: дворянин подчиняется простолюдинке!

Хотелось разобраться со всем немедленно, но я уже услышала повизгивания собак, четкие команды и лязг металла. Ворота распахнулись, и мы вошли в питомник.

Мое появление произвело такое же впечатление, как визит самого Императора. Все побросали дела и собрались на площадке за воротами. Стояли ровно, старшие – впереди, младшие – подальше. Те, кто возился с собаками, прибежали вместе с ними.

Куён с гордым видом оглядела всех и возвестила:

– Мастер над собаками вернулась!

Меня всегда поражала слаженность поклонов. Словно репетировали. Вот и теперь спины согнулись одновременно, и ритуальная фраза приветствия прозвучала четко, как в хоре. А потом вперед выступил Сунунг:

– Учитель, мы рады вашему возвращению.

– Благодарю! – нехитрая церемония растрогала до слез. – Спасибо за то, что сохранили питомник и собак!

Они поклонились еще раз и разошлись. Куён, дернув за рукав Ланху, испарилась. Ёнмино последовал за ней.

– Вертит им, как хочет!

– Держит парней в ежовых рукавицах! Вот кому-то жена достанется! – рассмеялся в ответ Сунунг.

– Парней? Так Ланху не один?

– Его величество прислал десятерых. Стараются, учатся... Мы их Куён доверили, она хорошо азы объясняет. И лениться не дает!

Так вот в чем причина! Я развеселилась, представляя описанную Сунунгом картинку.

– Сильно возмущались?

– До сих пор никак не смиряются. Мечтают, что вернувшийся Учитель исправит несправедливость.

– А что? Я могу...

В питомнике царил почти идеальный порядок. Земляной пол выметен, выгулы посыпаны свежим песком. В вольерах – чистота, доски пола хорошо выскоблены, будки крепкие...

– Потомство получали?

Я направилась в щенятник.

– Следуя вашему приказу, повязали пятерых сук. Одна осталась пустой. Две принесли по единственному щенку. Остальные...

В загоне играли малыши. Восемь пузатых, хорошо откормленных карапузов.

– Три и пять... Негусто... Наверное, плохо подобрали дни.

Для неопытных помощников это оказалось сложным.

– Надо было просто запереть вместе... Чай, не дураки, инстинкты еще работают, без вас бы справились. Куда?

Последнее относилось к Нюте. Она одним прыжком преодолела невысокую перегородку и затеяла возню с малышами. К счастью, сук-матерей в вольере не было.

– Роды прошли хорошо? И где еще двое?

– Подростки уже проходят начальное обучение. По полгода им. А насчет графика... Куён еще не принесла документы?

– Я их еще не смотрела. Ну, пошли дальше?

Видеть, как простые записи, оставленные на бамбуковых дощечках, сшитых в свитки, воплотились в жизнь, было... необычно. Окружающее казалось чудом. Мои наказания соблюдали буквально, до последней мелочи, до длины поводка, на котором выгуливали недопесков!

Настроение стремительно улучшалось. Работа позволила выбросить из головы лишние мысли, а дома можно будет закопаться в записи и окончательно забыть Хансо-рана хотя бы на эту ночь... Я уже предвкушала, как раскроются с легким стуком бамбуковые дощечки, как захрустит под пальцами пропитанная клеем шелковая бумага... И только трепещущий огонек свечи или масляной лампы составит мне компанию в ночной темноте.

– Госпожа!

От дум отвлек молодой, смелый голос.

Путь заступила десятка ёнмино. Они стояли, почтительно склонив головы и сложив на животе руки... Но глаза сверкали. Парни пришли требовать справедливости!

– Госпожа! – вперед выступил Ланху. – Его величество отправил нас обучаться искусству управления собаками. Вместо этого, мы вынуждены подчиняться сумасбродной девчонке! Ребенку!

Надо же! А я думала, он послушный!

Куён стояла чуть в стороне. А на лице читался неподдельный интерес – незадачливые подчиненный её не видели. Кажется, девочка догадывалась, что будет дальше. Эта хитрюга слишком хорошо меня знала.

– И вы недовольны? Ну что же...

Погонять парней по видам центральной нервной системы? Или... нет, Куён сама в этом путалась, чувствуя собак скорее интуитивно. Пожалуй...

Я повернулась к Ланху:

– Типы конституции. Быстро!

– Нежный, сухой, крепкий, грубый и сырой... – отбарабанил он как по написанному.

– Какой вид высшей нервной деятельности соответствуют грубому типу конституции? – Тут же, без перерыва, спросила у стоящего сразу за Ланху.

– Что мнешься? Нрав какой у собаки?

Взгляд стал осмысленным:

– Спокойный, уравновешенный... Движения немного ленивые, очень медленные... Команды запоминает тоже медленно и...

– В общем, все, как и у тебя. Это сырой тип. Тогда... цикл развития блохи! Быстро!

Парень молчал. Я перевела взгляд на его соседа:

– Этот же вопрос!

Они не ожидали экзамена. Но в основном справились. Даже тот, кто путался поначалу, потом выправился, отвечая почти правильно. Их мучительница сияла. Я ответила ей улыбкой:

– Не вижу причин менять вам наставника. Куён превосходно справляется с задачей. Что касается практики...

– Простите, Учитель, – не выдержала девочка. – Что касается практики, то я знаю, кто ближайšie десять дней возьмет на себя уборку выгула и вольеров.

Вот мартышка злопамятная! Оставив её разбираться с опешившими парнями, я направилась в дом. Настроение стремительно улучшалось.

Ровно до той поры, как я осталась одна.

Огонек свечи отражался от начищенной медной пластины в форме бабочки, кидая дополнительные отблески на свитки. Я читала строчку за строчкой, но не понимала ни слова. Перед глазами стоял Хансо-ран, а в ушах звучало признание:

– Я женился.

Заботы не смогли стереть из памяти тихого голоса. И всю ночь я провела у окна, глядя на звезды. Когда-то мы смотрели на них вдвоем. Кажется, целую вечность тому назад.

Солнце погасило мерцающие огоньки, словно свечи задуло. Едва восточный край неба посветлел, вошла служанка.

– Госпожа, пора...

И осеклась, увидев пустую кровать.

– Да, пора, – тело затекло от неподвижного сидения на полу. – Умываться, завтракать и одеваться!

Деревянный чан с горячей водой уже ждал. Пока сохли волосы, подали завтрак. Я съела лишь несколько ложек несоленого риса и запила парой глотков воды – Совет мог затянуться, а отлучаться от дверей Зала до того, как позовут, нельзя. Даже в туалет.

По этому поводу собаки тоже остались без завтрака. Зато хорошо погуляли. Я смотрела, как Куён носится с ними по двору. Мечтала присоединиться, но нужно было привести себя в порядок. Как-никак, госслужащая пятого ранга! Не все наложницы в Дальнем Дворце такой имеют!

Голова клонилаь от тяжести шиньонов и шпилек. Диадему украшал символ питомника – собачий след, вписанный в узорный ромб. Похожий орнамент повторялся на платье и накидке с широкими рукавами. На шее покачивался медальон в виде оскаленной собачьей головы. Все детали придворного наряда указывали на мой ранг и должность.

Правда, двигаться в этом великолепии было непросто. Я привыкла к размашистым движениям, свободе, а тут... Четыре нижние юбки, одна верхняя, да еще плохо гнущееся парчовое платье. Широкий пояс с золотыми накладками. Хорошо, что обувь удобная, без каблучков! Ровная кожаная подошва.

И все равно идти самостоятельно не получалось. Две девушки аккуратно поддержали под руки, помогли встать и добраться до закрытых носилок. Ученики, которым выпала честь сопровождать Мастера над собаками во Дворец, выстроились в две шеренги, готовые защищать меня любой ценой. Они могли – некоторые уже показали себя в деле. И в тайных деревьях, и на границе... Ньюту и Дашу прицепили на поводки – к себе я их не посадила, боясь, что собаки порвут тонкий шелк одежд. Явиться в не подобающем виде пред очами Императора считалось преступлением. Одно дело, когда тайно зовет для дружеской беседы, и совсем другое – Совет.

– Сунунг! – чуть приоткрыла занавеску. – Пойдешь со мной.

Служанкам вход в Зал был заказан, о чем я очень жалела: пройти пусть небольшой, но торжественный путь от порога к трону без их помощи будет очень трудно.

Но я выдержала.

Ковер цвета индиго, выстилающий пространство от входа до подножия трона, скрадывал шаги. Затейливые узоры по краям служили границей между тем, кто удостоился аудиенции

и остальными. Советники в своих хламидах стояли справа и слева, и по цветовым пятнам я могла сказать, мимо кого иду. Смотреть не хотела – там, почти у самого трона, стоял предводитель ёнмиранов, Хансо-ран. Только бы не встретиться с ним взглядом! Только бы... Чтобы отвлечься, я стала повторять правила сложной церемонии.

Остановиться в десяти шагах от ступенек, в строгом соответствии с этикетом. И склонить колени:

– Стелла, Мастер над собаками, приветствует Его Величество!

Ладони с зажатой в них именной табличкой поднялись на уровень глаз. За спиной послышался шорох одежд. Это Сунунг ткнулся в пол лбом. Я не стала повторять этот подвиг. Во-первых, статус позволял смотреть прямо. Во-вторых... Ломать шею не хотелось. А именно этим и грозил полный поклон, слишком уж много шиньонов и украшений наvertsели в прическу. На золото не поскупились. А в-третьих, я ни на миг не желала выпускать из виду собак, очень ловко выполнивших команду «поклон». Их отставленные толстые попы во мне вызывали умиление, но вот у кого-то другого – ненависть. Рисковать не стоило.

– Поднимитесь! – послышалось с возвышения. Эхо подхватило и усилило слова Императора. – Я рад вашему возвращению, госпожа Стелла. Надеюсь, путь домой был легким.

«Домой!». Слово горько отозвалось в сердце. Ранко почти стал мне второй родиной, но последние события...

Пришлось мысленно прикрикнуть на себя: не время и не место предаваться тоске! Зал Советов ошибок не прощает. Тем более чужестранке.

– Благодарю Ваше Величество за заботу. К сожалению, возвращение омрачилось нападением врага у самых границ, но все закончилось благополучно.

Про Линен не думать! Она всего лишь служанка, её жизнь ничего не стоит в больших политических играх.

– А также, государь, Мастер над собаками счастлива сообщить, что выполнила все возложенные на неё задачи и добилась успеха. Позвольте представить вам результат.

Я повернулась. Не вставая с колен, Сунунг подал поднос с аккуратно уложенными свитками. Хеду тут же отнес его Императору.

– Я благодарю Мастера над собаками за службу и награждаю её шелком и серебром и рисом! А также нефритовым знаком Исполняющего Указы.

Ропот поднимался приливом. Сначала тихий, робкий, едва заметный, он креп и ширился. Чиновники шепотом передавали друг другу возмущение, и канцлер решился озвучить его Императору.

– Ваше Величество! – встал он рядом со мной, на шаг впереди. – Никто из нас не оспаривает заслуги Мастера над собаками! Но все же вручать ей нефрит «Исполняющего Указ» – слишком. Прошу, увеличьте Мастеру вознаграждение, добавьте шелка и зерна, но отмените свой приказ!

– Да? – Ёншин выглядел расстроенным. – Наверное, все так и есть. Но если я вас послушаю, разве не скажут, что слово правителя подобно воздушному змею – летит, куда ветер подует? И разве не вызовет это кривотолков в народе и в соседних странах?

Ропот поднялся новой волной. Но Император смотрел твердо. И канцлер отступил:

– Мы принимаем волю Его Величества.

Я не видела лица министра. Но не сомневалась: он отыграется на мне при первой же возможности.

А еще... я очень старалась не обращать внимания на Хансо-рана. Получалось плохо, его место было прямо передо мной. Приходилось смотреть или на ступеньки трона, или вглядываться в зеленоватый туман нефритовой дощечки.

Очнувшись оттого, что Хеду почти ткнул в лицо украшенным золотыми кистями подносом. На нем лежал спрятанный в желтый чехол свиток с назначением и рядом, в специаль-

ной деревянной коробке, – знак «Исполняющего Указы». Молочно-белый нефрит с резьбой в виде свернувшегося сложным узлом дракона украшала красная шелковая кисточка и такого же цвета петля, чтобы носить на одежде, как подвеску. Для того чтобы принять знак отличия, пришлось снова опуститься на колени. Спина тут же взбунтовалась, и я чуть не ткнулась носом в пол.

– Мастер над собаками благодарит Его Величество и принимает назначение!

Сунунг оказался рядом, перехватил поднос и снова исчез из поля зрения. Как ему удалось повернуть это, не вставая с колен, я так и не поняла.

– Мастер над собаками может быть свободен.

Но даже за пределами Зала Советов приходилось следить и за осанкой, и за поведением. Слишком много глаз наблюдало за каждым шагом, каждым жестом, каждым словом. Чиновники не желали смириться с тем, что чужестранка получила столь высокий ранг не будучи наложницей. Мало того – стала государственной служащей. Местные женщины тоже трудились в ведомствах, руководили отделами, но никогда не поднимались до таких высот.

– Госпожа...

– Сунунг, дай-ка сюда нефрит...

Он совсем не вязался с остальным нарядом, но именно эта резная пластинка могла уберечь от больших неприятностей. Я не представляла, зачем Ёншин мне её вручил, но, видимо, причины были веские. Идиотка влюбленная! Целую ночь впустую потеряла, тосковала, вместо того, чтобы доклады читать! Наверняка там отмечено все, до мельчайшего события.

Какое же это блаженство – снять парадную сбрую и облачиться в удобный домашний наряд. Проверить питомник... Сначала – живые собаки, бездушные документы подождут.

– Сунунг, почему Император решил вручить мне нефрит? Что-то случилось? Не могу понять...

– Успех Мастера вызывает зависть и неприятие. Много тех, кто желает вам неудачи.

– Сложно здесь было?

– Господин Хансо-ран и жрица сдержали слово: сохранили питомник. Без них мы бы не смогли ничего сделать.

Сунунг подтвердил подозрения. Можно не заглядывать в скучные доклады, а сосредоточиться на других документах. Но необходимость встречи с Хансо повисла надо мной дамокловым мечом. Выдержу ли? Чтобы не думать о неприятном, погрузилась в работу.

– Куен, принеси свитки, они на столе.

Девочка умчалась в дом. А я заглянула в кухню.

Стены покрашены известкой, пол выложен камнем. Чистые глиняные миски аккуратно стояли на полках. Чан и прочая металлическая посуда сверкали в лучах заглядывающего в помещение солнца.

Женщины встретили меня степенно. Чинно поклонились и выстроились вдоль стены, ожидая распоряжений.

Я проверила, чем кормят собак.

Мясо. Хорошего качества и свежее. Говядина и, в большем количестве – курятина. Овощи. Рис. Эх, гречки бы!

– Еще есть шкуры, их мы вывариваем, режем на полосы, завязываем узлом, высушиваем и даем играть щенкам и подросткам.

Хорошо. С этой стороны все было отлично. Даже как-то странно, вспоминая первые дни существования питомника.

– Неужели больше не подсовывают тухлятину?

– Пытаются. Но мы не пропускаем, а Хансо-ран...

Сунунг легко произносил это имя. Для него ёнмиран был покровителем. И, кроме Императора, никто не знал, что мы расстались.

– Учитель!

Куён тащила поднос со свитками. Ланху нес следом низкий столик.

– Учитель, где вы желаете...

– Туда, – указала я на крохотный павильон, возведенный специально для подобных случаев. – А ты, – повернулась к ёнмино, – позови остальных. И принесите письменные принадлежности, хочу посмотреть, чему вас тут без меня научили.

Второй незапланированный экзамен. Однако парни не сдавались. Они устроились на площадке, принеся бамбуковые циновки. Перед каждым лежали кисть, тушечница и листы бумаги.

– Начнем с главного. Устройство органов пищеварения собак и кормление. Коротко. Четко. Куён, а ты расскажи, что делать при встрече с агрессивной собакой, чтобы избежать столкновения.

– Это не всегда получится, Учитель, – растерялась девочка.

– Ты рассказывай, а там увидим.

– Для начала не паниковать. Не кричать, не махать руками. И стараться не смотреть собаке в глаза.

– Почему?

– Для зверя прямой взгляд – угроза. А если еще и улыбнуться, показав зубы...

– Дальше, – прервала я разглагольствования.

– Не поворачиваться спиной, отступать медленно, следя за каждым движением. Лучше отходить к стене дома, так у собаки не будет возможности атаковать со спины...

– Мы не со стаей встретились, а с одиночкой.

– Тогда нужно просто медленно отойти. Собака прекратит преследование, как только мы покинем место, которое она считает своим.

– А если закричать? – не унималась я.

Куён вздохнула, словно имела дело с ребенком:

– Тонкий, визгливый голос воспринимается собакой как сигнал к опасности. Она атакует. Так что если нельзя удержаться... кричать на собаку надо басом.

Ёнмино навострили уши. Кисти некоторых уже подсохли на солнышке, а на бумаге оставалась девственно-чистой.

– Что такое безусловный рефлекс? А условный?

Куён отвечала не задумываясь. Вскоре к ней прислушивались уже не только ёнмино, но и остальные работники. Одобрительно кивали или изумленно качали головами... А я продолжала:

– Методы дрессировки.

– Механический, вкусопоощрительный, контрастный и подражательный. Механический заключается...

– Основная работа лабрадора на охоте! – прервала я её.

– Поиск и подача битой птицы!

Девочка переключалась мгновенно. Казалось, её ничто не может смутить. Даже вопросы «не по теме». Потому что единственным лабрадором в Ранко, а, возможно, и во всем этом мире, была Нюта. Нут Богиня Мерцающих Звезд. На местном языке это звучало напевно и очень красиво.

– Ты молодец.

От моей похвалы Куён расцвела. Будь она постарше... Девочка жила собаками, впитывала знания, как губка. И, что самое важное, чувствовала животных интуитивно. Кинолог «от бога». Я даже начала опасаться, что не смогу обучить её как следует просто потому, что собственных знаний не хватит.

– А вы чего застыли? – повернулась к ёнмино. – Время идет. Не сдавшие тест отправятся обратно к своим ёнмиранам. Вам должны были сказать, что я сама решаю, кого обучать.

Клепсидра отсчитывала секунды. Капли срывались с клюва полой бронзовой птицы и ударялись о дно глиняной чаши. Метки на её внутренней стороне отмечали время.

Терять его было роскошью даже для меня. А уйти нельзя. Хорошо, что никто не мешал читать.

Доклады оказались подробными.

Оставленные ученики следовали моим приказам буквально! Сук повязали теми кобелями, которыми велела. Потомство получилось сообразительным – я успела понаблюдать и за подростками, и за щенками. Каждый из них был внесен в специальный реестр, где указывались не только родители, но и дата вязки, а также день и час рождения. Последнему параметру в Ранко уделяли большое внимание, и я не стала менять традицию. Нужно – запишем.

Также для каждого щенка вели таблицу промеров и веса. Я мысленно похвалила себя за предусмотрительность. А ведь могла и упустить этот важный момент! Все же в Террах собиралась и не знала, вернусь ли живой.

– Как там Демон?

Огромный пес, благодаря которому получилось вырваться из враждебной страны, приехал в Ранко. Сейчас он сидел в карантине, но времени навестить вынужденного узника до сих пор не нашлось.

– Ест, пьет. Пока все в норме. Только...

– Что? – я отложила свиток, готовясь идти выяснять, что не так.

– Недоверчивый. Позволяет миску поставить и все.

– Это нормально. Через несколько дней привыкнет.

Я перебирала дощечки, а пес не шел из головы. Собака сложная, кому доверять? Или... самой заняться, тем более что контакт у нас налажен?

– Учитель, время!

Куён волновалась, кажется, больше, чем ёнмино. Они аккуратно, чтобы не смазать непросохшую тушь, сдали листы своей наставнице. А та, почти не дыша, принесла мне.

– Учти, за их ошибки накажу тебя!

– Да, Учитель.

Она понимала, за что. А вот ёнмино... В глазах некоторых парней мелькнуло злорадство. Я посочувствовала: Куён, как тот Маугли из анекдота, могла любого достать. Даже Юмин не всегда выдерживал, а уж он отличался безмерным терпением. Интересно, куда делся этот мальчишка?

– Куён, а что с Юмином? Вы поссорились?

Девушка смутилась.

– Учитель, отца Юмина отправили в другой округ.

Жаль! Мальчик подавал надежды. Из всех детей он уступал лишь Куён.

– Если вернутся, скажи, что я буду рада встрече.

– Да, Мастер.

Видно было, что скучает по другу.

Остаток дня прошел за проверкой работ. Справились все. Кто-то хуже, кто-то лучше... Чтобы вынести вердикт, нужно было посмотреть на парней «в деле», а не на экзаменах. Главное – увидеть, как они ежедневно общаются с собаками, как относятся к подопечным, насколько важным считают свое занятие. Тестирование грозило затянуться.

А Куён все-таки получила «на орехи». Слишком вольно себя вела, словно возомнила, что взрослая. Конечно, в этом мире детство рано заканчивается, а Куён уже вошла в возраст неве-

сты... И все-таки оставалась ребенком. Было забавно смотреть на её надутые губы и насуспенное лицо.

Я отправила её восвосяи, подумать над ошибками и отдохнуть, а сама погрузилась в работу.

Это всегда помогало. Залечивала сердечные раны. Сколько раз в своем мире я сидела на полу, прижавшись лицом к шее собаки, глотая слезы и жалуясь на судьбу? А потом записывалась на очередные соревнования, и мы готовились к ним до каменной усталости. Приходила в себя, только принимая поздравление, с кубком в руках... или без сил усевшись на землю, опустошенная после проигрыша. Зато... зато к тому моменту рассасывалось даже эхо неудавшейся любви.

Старый метод не подвел и в этот раз. Только масштабы работы отличались. И, кроме собак, заниматься приходилось еще и с людьми. Ученики, независимо от возраста, смотрели в рот и ловили каждое слово.

А еще я продолжала оттачивать навыки рукопашного боя. Проходила «полосу препятствий». Разбиралась с министерством сельского хозяйства, а точнее – с ведомством, поставляющим нам корма. Три раза из пяти они пытались мухлевать.

А еще Император отрядил в питомник проштрафившегося лекаря. Мужчина рвал и метал, но держался почтительно. Я понимала – почему. Надеялся показать себя с хорошей стороны и вернуться во дворец! Наивный. Я его не для того натаскивала, чтобы потом отпустить. И, обучая, сама узнавала много нового.

При таком темпе не то что тосковать – поесть было некогда. Иногда, пробегая мимо накрытого стола, я перехватывала кусок-другой, но сесть и нормально пообедать времени не находилось.

Пришедшая в гости Великая Жрица ужаснулась:

– Ты хочешь умереть?

Её визит заставил остановить ненадолго бесконечный бег. Я на самом деле обрадовалась старому другу. Человеку, вставшему на мою защиту перед всем Советом. Тому, кто заставил замолчать самых дерзких чиновников.

– Что за вид? Куда смотрят твои люди?

Гнев Верховной Жрицы цунами пронесся по поместью. Ни в чем не повинные служанки попадали на колени, ученики и наемные работники бледнели и тряслись, как листья на осеннем ветру. Пришлось заступаться:

– Они старались. Но меня трудно заставить сделать что-то против воли.

– Я это заметила.

Ласар внимательно следила, как трясущиеся от страха девушки накрывают стол.

– Несите побольше мяса! Мастеру над собаками необходима энергия. И про суп не забудьте! Да что вас... сама приготовлю!

Остановить Ласар было невозможно. Сняв накидку и закрепив длинные рукава лентой, жрица принялась хозяйничать на кухне. Я решила туда не соваться и покорно ждала в комнате: гневить гостью было опасно. И когда передо мной поставили миску с темным варевом, без возражений запустила туда ложку.

Бурые листья морской капусты обвивали паутинки яичного белка – его хорошо взбили и вылили в кипящий бульон. Тонкие пластинки говядины лежали на самом дне миски.

Считалось, что такой суп хорошо восстанавливает силы, его варили вернувшимся из путешествия и больным. Или просто уставшим.

Я ничего против не имела. Суп, значит, суп.

Жрица дождалась, пока тарелка опустеет.

– Хансо-ран просил Императора о помощи.

– И что его величество? – сердце забыло про следующий удар.

– Ответил, что ты, как и ёнмираны – ценность для страны. Он не может принудить Мастера над собаками выйти замуж против воли.

При этих словах накатила слабость. Сопротивляться прямому указу правителя означает получить клеймо предателя. Прикажи он стать второй женой Хансо-рана, я не смогла бы отказаться без последствий. К счастью... Или, может, к несчастью?

Слезы сами покатались из глаз. Пришлось наклонить голову, чтобы Ласар не увидела. Жрица тактично смотрела на собак. Ньюта и Даша дремали на травке возле веранды, на которой мы сидели.

– Слышала, одна из них была тяжело ранена.

– К счастью, её удалось спасти.

– Гибель любой из этих собак стало бы большим горем для Ранко. Из приграничных крепостей доходят вести, что твои ученики прекрасно справляются с возложенной на них задачей. Особенно отмечает их умения генерал Со.

При упоминании человека, которого получилось превратить из скептика в доброго товарища, на сердце стало тепло.

– Мы не поддерживаем связи. Как его здоровье?

– Генерал здоров и все так же прямолинеен, – улыбнулась жрица. – Он не скрывал своего недовольства его величеством, когда ты отправилась в Террах. На Совете даже требовали наказать его за дерзкие речи.

В этом был весь генерал Со. Верный друзьям и Императору, смелый до отчаяния, больше всего на свете он ценил честность и заботу о своих людях. Наверное, и меня принял потому, что не отступала, когда подопечным требовалась помощь.

Но вместе с тем вспомнились и другие дни на границе. Сожженные деревни. Умирующие люди. Именно тогда я приняла решение создать полноценную кинологическую службу, посылать на смерть собак, чтобы жили люди.

– Кочевники угомонились?

– В основном, – ответ жрицы вселил надежду. – Набеги стали реже и не такими яростными. В этом есть и твоя заслуга.

– Заслуга... Я подготовила только нескольких собак и нескольких людей. Этого мало, чтобы прикрыть всю границу.

– Твои ученики тоже набрались опыта. И передают его другим. Знаешь, что из приграничных крепостей просят разрешения прислать сюда людей на обучение?

– А почему спрашивают у тебя, а не у меня? Или для этого нужно благословение богов?

– Нет, – звонкий смех Ласар разнесся в неподвижном воздухе павильона. – Конечно, они просят не меня. Но иногда до храма долетает эхо из Зала Советов.

Шпионаж. О! В этом мире он развит не хуже, чем в моем. Следили тут все и за всеми. Даже Храм посылал своих служителей во Дворец не только молитвы читать.

– Кстати, про эхо... Донесло оно до меня, что ты привезла из Терраха какого-то необычного пса! Слухи разносятся по Сарамии, подобно ветру, проникая в каждый дом.

– Ты про Демона? Собака как собака, – удивилась я. – Могут познакомиться.

– Не надо! – едва ли не впервые в голосе Ласар прозвучали эмоции. – А вот издали посмотрю с удовольствием!

Серая дворняга вскочила, стоило нам показаться в проходе между вольерами. Уши насторожились, хвост поднялся, чуть ли не завиваясь в кольцо, как у хорошей лайки, а губы приподнялись, обнажая белоснежные зубы.

– Тише, маленький, тише... Демон, это я... – напевала, подходя ближе.

Шерсть на загривке приопустилась. И лапы перестали быть такими напряженными.

– Почему его так называли? – удивилась Ласар. – Духи могут обидеться.

– Духи будут гордиться! Возможно, этот пес станет основателем линии. Но тут надо на потомков смотреть...

– Я ничего не поняла, – прошептала жрица и остановилась. – Дальше не пойду!

– Тебя так тревожит его кличка? Если это поможет, то раньше его звали Дикарем! Но это неподходящее имя для такого пса!

Он, наконец, вильнул хвостом. Вальяжно, словно делая одолжение. Я протянула кусок мяса на раскрытой ладони. Как в Террахе. Взял осторожно, стараясь не задеть зубами.

– Как ты не боишься! – поразила жрица, но в шепоте уже слышалось восхищение. – Хочешь, чтобы он оставил после себя детей?

– У собак щенки, – машинально поправила я. – Пока о вязках думать рано. Пес смысленный, но нужно проверить его рабочие качества. Если пойдет на охрану или поиск... быть ему в племпрограмме! Такого экстерьера я давно не видела.

– Экс...сте...ра... – попыталась повторить жрица непонятное слово.

– Внешности, – пояснила я. – Смотри, какие углы сочленений! Какая спина, круп... Демон создан для работы! Он идеален! Стандарт, что ли, с него написать? – пробормотала себе под нос.

И повернулась, услышав смешок.

Ласар едва сдерживалась, чтобы не расхохотаться в голос.

– Стоило заговорить с Мастером о собаках, как она забыла обо всем!

– Ты слишком хорошо меня знаешь! – не сдержала улыбку.

О письмах Хансо, пропитанных слезами, потому что тоска заставляла перечитывать их снова и снова, я не рассказывала даже ей.

– Меньше, чем хотелось бы. Но ты на самом деле плохо выглядишь. Хансо-ран очень этого боялся.

– Чего? Что руки на себя наложу?

– Стелла, – Ласар посерьезнела, – береги себя. Если с тобой что-то случится... он не переживет.

– Кому какое дело до моих бед?

Выглядеть беспечной, когда сердце разрывается на кусочки – та еще задача. У меня не получилось. Ласар знала людей. И умела читать по лицу.

– Хансо-ран просил провести ритуал. Он будет молить духов открыть тайное.

– Это как меня вернуть?

– Кто знает. Стелла, я хочу, чтобы ты участвовала!

– Значит, поучаствую.

Ласар отвела взгляд. Она без слов поняла мое нежелание выползть из того кокона, что я так старательно плела все эти дни. Но Верховной Жрице в подобных просьбах не отказывают.

– Я приду, – подтвердила еще раз. На всякий случай.

Главный зал Храма наполнялся людьми. Тишину нарушали лишь едва слышные шаги да шорох одежд. Юные послушницы в белых облачениях окружили ступенчатое возвышение с алтарем. На нем, среди блюд с подношениями духам, дымились ароматические палочки.

Едва слышно зарокотали маленькие барабаны. Звук напоминал далекие раскаты грома. Они становились все громче, словно гроза приближалась, а потом ухнул большой барабан. И, повинувшись этому сигналу, послушницы взмахнули рукавами. Широкие, с едва заметными штрихами обережных знаков, они напоминали крылья. Два хоровода закружились навстречу друг другу, подстраивая движения под заданный ритм. Все быстрее и быстрее, а потом в дикую музыку вплелся речитатив слов.

Верховная Жрица шла по людскому коридору, легко ступая по белому шелку. Правая рука сжимала высокий посох, увенчанный бубенчиками. Они позвякивали в такт шагов, все громче и громче, так, что вскоре звук стал резать уши.

Присутствующие зашевелились, доставая амулеты.

Был такой и у меня. Хватило единожды полюбоваться, как сражается ёнмиран, чтобы проникнуться местными верованиями.

Он тоже был здесь. Укутанный в белый шелк ритуальных одежд так, что открытой оставалась лишь голова. И – никаких оберегов. Только несколько бусин в распущенных волосах. И макияж. Яркий, как у женщины.

Сердце заныло. словно по еще свежей ране полоснули ножом. Но отвести взгляд я была не в силах.

Хансо не смотрел по сторонам. Единственная, кто занимал его мысли – Верховная Жрица. Она восходила по ступенькам, и её голос креп, в нем появилась ярость, и вскоре даже большой барабан не мог заглушить странный, ломанный ритм заклинания.

Бубенчики звенели непрерывно и зло. А потом...

В наступившей тишине слышно было только тяжелое дыхание Верховной Жрицы. Она встала спиной к алтарю, вздрогнула и закатила глаза так, что остались видны только белки.

Бледные губы шевельнулись. И голос, вырвавшийся из её груди, не принадлежал человеку.

Низкий, рокочущий, он заполнил зал. Казалось, любые звуки тонут в его глубинах, как в болоте. Исчезло все: треск огня в светильниках, шорох длинных одежд, даже дыхание сделалось беззвучным. И только гулкий речитатив непонятных слов пронзал вязкую тишину.

Вздыбила холку Нюта. Даша напряглась, как-то став выше ростом. Куцый хвост замер, шея вытянулась, лапы вросли в каменный пол – статуя. По спине пробежал холодок: что могло так встревожить собак? Демонов и оборотней я уже видела. И встречаться с ними еще раз не хотелось.

Я считала, что уже выучила язык – говорила спокойно на любые темы, понимала юмор и сама шутила в ответ. Но то, что произносила жрица – не постигала. Что-то непонятное, мелодичное и в то же время жуткое. Но остальные, кажется, знали это наречие.

Жрица пела, воздев руки. Белки её глаз словно сияли своим собственным светом. Я даже присмотрелась, чтобы увидеть блики на полу. И пропустила кульминацию.

Хороводы оборвали движение, девушки попадали на пол, пряча лица в ладонях. Жрица замерла, а потом резким движением опустила посох. Вздрогнули бубенцы, но ни одного звука не пролилось в застывшем воздухе.

Люди моментально расступились. И посох указал на молодую женщину. Судя по прическе, она вышла замуж меньше года назад, а по вышивке я даже поняла – за кого. За Хансо-рана.

Сердце застонало, не в силах выдержать это испытание. Женщина, которая отняла мою любовь и занявшая мое место. Я завидовала ей, как никогда и никому. И решимость предательски дрогнула: а, может, ну её, эту гордость? Если Хансо имеет право на вторую жену, почему отказываюсь? Да что там! Тут и звание наложницы...

Додумать не успела. Тишину пронзил рокочущий речитатив. И удачливая соперница расцветала. А вот Хансо-ран... Когда посох указал на него, все взгляды переместились следом. Ёнмиран стоял, расправив плечи, высоко подняв голову, прекрасный, как античная статуя... Статуя с плачущим сердцем. Не знаю, видела ли эти слезы жена, но я с трудом сдерживалась, чтобы не подбежать, не обнять, не утешить... Подставить плечо, отбиваться вместе от всего мира! Зря он, что ли, учил меня владеть мечом?

Но соперница успела раньше. Спокойно, как королева на праздничном выходе, прошествовала по образовавшемуся коридору и встала рядом с мужем. Жрица замерла напротив, изо всех сил стукнув посохом о пол.

Звук удара пронесся по залу, разбудив жмущееся в углах эхо. И все вернулось на свои места. Шорох одежд, хрипловатое дыхание людей, звон бубенцов... Жрица стала собой: исчезли эти жуткие белки, на мир смотрели глаза обычного человека.

Собаки успокоились. Даша без сил рухнула на пол, Ньюта прижалась к моей ноге. Видимо, напряжение было очень сильным, раз рабочие собаки выдохлись за... А сколько времени прошло?

От ароматических палочек осталась едва ли треть. Значит, минут двадцать. А казалось, все длилось несколько часов!

Люди расходились. И только Хансо-ран с женой не смели тронуться с места. С трудом я отвернулась и подозвала собак, чтобы поскорее покинуть этот жуткий храм, но звонкий голос окликнул:

– Стелла!

Не ответить было невозможно! Я поднялась на возвышение, как на лобное место. А Ласар просто сказала:

– Вам надо спокойно поговорить. Без обид и злости. Сесть за один стол, выпить чая из белого женьшеня и все обсудить. Иначе... – она понизила голос до едва слышимого шепота.

– Духи поведали что-то жуткое? – поинтересовалась я и сама удивилась, как равнодушно это прозвучало.

Все действительно стало безразлично. Уже долгое время я не жила, в просто существовало, и каждый раз, высовываясь из заботливо созданного кокона, испытывала боль.

– Духи многое поведали, – Ласар осеклась. – А ты что, ничего не поняла?

– Ни слова!

Жрица смотрела на меня, как будто впервые увидела.

– Это язык древних жрецов и магов. Он создавался для связи с духами и ныне почти утрачен. Однако заклинания действуют не хуже, чем тысячелетия назад.

– Разве. Тут все поняли, о чем ты говорила.

– Не я. С Хансо-раном беседовал дух его прадеда. А что до остального... знать учит лишь общие фразы – незачем лишний раз открывать дверь между нашим миром, и миром мертвых. Поэтому многое забылось. Помнят только ёнмираны да мы, жрицы.

– Так что сказал... прадедушка?

Хансо ран вдруг закашлялся. А Ласар пригласила:

– Пойдемте в мои покои. Там сможем поговорить спокойно, да и мешаемся здесь.

Она указала на младших жриц и послушниц, что терпеливо ждали у входа, чтобы начать уборку.

Просторная комната для приема гостей встретила ароматом пионов и свежесваренным чаем. Ласар усадила нас за круглый столик и вышла, чтобы переодеться в повседневное.

Хансо-ран замер, уставившись в одну точку. Его жена бросала на меня взгляды, которые нельзя было назвать робкими. От выражения её иссиня-черных глаз становилось не по себе.

– Кажется, мы еще незнакомы, – она первая прервала затянувшееся молчание. – Но я много слышала о Мастере над собаками. Мой муж...

– Мою жену зовут Туанти. Прошу, будь к ней добра.

Туанти тут же скромно сложила руки на коленях и замолчала.

Только её видимое взгляду желание бороться за мужа остановило меня от того, чтобы немедленно не разрыдаться и согласиться на все. Сдерживаясь из последних сил, негромко произнесла:

– Рада познакомиться. Меня зовут Стелла.

И даже голос не дрогнул!

Легкий поклон в мою сторону, но прежде, чем прозвучал ответ, вернулась Верховная Жрица.

– Все живы, – Ласархватило одного взгляда. – Это хорошо. Хансо-ран, вам ясна воля предков?

– Да. Им неуютно, чтобы я отправил Туанти в дом родителей.

– Это основное. Но еще... они очень недовольны стихами, что вы писали Стелле, когда она отправилась в Террах.

Лицо Хансо-рана пошло пятнами. В таком состоянии я его никогда не видела. А Ласар продолжала бурлить его пристальным взглядом:

– Это же была приворотная хянга?

– Хянгга? – не поверила я.

Магические песни-стихи использовались только ёнмиранами. Сложные по структуре, они содержали частичку магии и могли быть как благом, так и злом. Но... Нет, только не это!

– Хансо... Это правда? Почему ты молчишь?

Почему он не смотрит на меня, почему прячет взгляд. Не хотела верить и все спрашивала и спрашивала, пока снова не вмешалась Жрица:

– Хансо-ран, ответь же!

Его голос звучал глухо:

– Стелла была так далеко. Это так страшно – бояться, что тебя забудут. Клянусь, все получилось не специально! Стихи складывались сами.

– Понимаю, – мягко ответила Жрица. – Ты передал свою тоску Стелле, но теперь нужно все исправить. Мы слышали волю предков: Первой женой Хансо-рана должна быть Туанти.

Во взгляде ёнмирана билась тоска, словно птица, залетевшая в комнату и не находящая пути обратно.

Ласар повернулась ко мне:

– Стелла, подумай! Ты живешь прошлым, но оно осталось позади. Может, стоит принять новое целиком?

В её словах был смысл. Но я только упрямо сжала зубы.

Забывать о прошлом? Забыть о доме? Забыть о том, чему меня учили с рождения? То, что впиталось с молоком матери? Здесь, в чужом мире, я по крупичкам собирала себя заново, выстраивала стену, плела кокон, в котором смогу хотя бы жить. Разрушить все это собственными руками?

И я заупрямылась.

– Нет. Есть вещи, от которых невозможно отказаться. Туанти, – жена Хансо подняла голову. – Я люблю твоего мужа. И он любит меня. Мы были помолвлены, ты знаешь.

Туанти снова потупилась. Серебряные цепочки, украшающие прическу, тихо звякнули.

– Но Хансо-ран отвел мне место только второй жены... Туанти, наверное, тебе это покажется странным, но у моего народа мужчина может иметь только одну жену. А еще я никогда не унижусь до того, чтобы разбить семью. Не беспокойся – я забуду свою любовь, а не получится – похороню глубоко в сердце. И даже если Хансо-ран останется единственным мужчиной в мире... я его не приму.

Говорила торопясь, и сама понимала: сумбурно и невнятно. Но Туанти снова кивнула:

– Я полагаюсь на вас, госпожа Стелла.

На Хансо было жалко смотреть. Пришлось отвернуться. Для того, чтобы не смущать, но больше – чтобы уговорить собственное сердце.

Ласар толкнула внутреннюю дверь, ведущую в сад. Напоенный ароматом цветов воздух ворвался в комнату. Хансо-ран и Туанти правильно поняли этот жест и откланялись.

– Можно поиграть с собаками?

Я кивнула. И в следующие пятнадцать минут наблюдала, как они носятся по саду, пугая послушниц. И старалась ни о чем не думать.

– Успокоилась? – запыхавшаяся Ласар уселась рядом.

Тут же подскочили девушки с влажным полотенцем и веерами. Жрица отправила их восвояси повелительным взмахом руки.

– Что теперь делать будешь? Давай, подберу тебе юношу из хорошего рода? Младший сын может даже твою фамилию взять!

– Нет уж, спасибо! – раздражение не хотело отступить. – Еще с этим не справилась.

– Ну, справишься, а дальше?

– А дальше видно будет!

– Вот что. Вечером приходи в Храм, в павильон у Лунного озера. Принесешь письма, которые Хансо-ран тебе писал. Все, Стелла, слышишь? До единого!

– Проведешь церемонию прощания с любовью? – шутка вышла грустной.

– Хуже. Отвораживать тебя буду, а то сгоришь, как свеча на ветру. Вон, и так одни глаза остались! Только не ужинай, перед ритуалом лучше попоститься. И еще... ты же понимаешь, почему Хансо-ран не стал противиться решению родителей?

– Я слышала про кодекс ёнмиранов...

– В том то и дело, что только слышала. Ты видела, какими они становятся, когда демоны вырываются наружу?

На память пришел тот давний бой. Хансо-ран с окровавленным мечом в руках. И груды тел вокруг него.

– Страшно... – перехватило дыхание.

– Тех, кому предстоит стать ёнмираном, обучают контролю с детства. Не справятся – демон пожрет душу, захватит тело. Чтобы этого не произошло, одних молитв и медитаций мало. Думаешь, их кодекс просто так писался?

Из-за деревьев словно ледяным ветром подуло. От понимания пропасти, по краю которой ежеминутно ходит Хансо-ран и его товарищи, стало плохо.

– Именно. Нарушит хоть одно правило – ослабит границу, а демоны никогда не упускают своего. Храни Небо и Защитники того, кто не выдержал, поддался. Как правило, вместе с ним погибает три поколения семьи – демоны тоже любят своих детей и родителей.

И что тут думать? Обида вытеснялась ужасом. И тоской. Представить только каково сейчас Хансо, ведь у него даже шанса объясниться не было. Но почему не попытался? Наверное, как и остальные, считал, что мне все это известно.

– Расстроилась?

По знаку Ласар молоденькая послушница поставила на каменный стол поднос и отступила. Жрица разлила чай по крохотным чашечкам.

– Вот, – протянула одну мне, – ромашка успокаивает, а тебе придется принять непростое решение. Или отказаться от любви, или от своих принципов. Но не сейчас. Сначала я проведу обряд. И... не бери с собой собак, не знаю, понравятся ли они Хранителям.

Даже ненадолго оставить Дашку с Ньютой – испытание. После того как одна из них чуть не погибла – тем более. Но когда Верховная Жрица Ранко говорит таким тоном, лучше послушаться. И обе собаки остались дома.

Куён обещала быть с ними в комнате до моего возвращения. Сунунг поклялся не отдаляться от порога. Только все равно уходила я с тяжелым сердцем.

Две младшие послушницы ждали у самых ворот. И по извилистым тропинкам провели к скрытому в глубине сада озеру. Бумажные фонарики, напоминающие оранжевые шарики физалиса, мягко освещали путь. Но за пределами очерченного ими круга царил тьма. В новолуние только звезды пытались рассеять мрак, и все же ночь была сильнее.

Наконец, впереди мелькнул слабый отсвет, и кусты, сейчас напоминающие темную массу, расступились. Мне открылось одно из Чудес Ранко – Лунное озеро.

В черной, неподвижной воде, сейчас так похожей на зеркало, отражались огни павильонов, посвященных Четырем Хранителям страны. И луна.

Я невольно взглянула в небо. Ничего. Однако из озера сияла призрачно-желтым светом полнолицая владычица ночи.

– Госпожа! – мягко позвала одна из сопровождающих.

Следом за ней я вступила на изогнутый мостик. Мой взгляд по-прежнему был прикован к отражению полной луны.

– Это всегда впечатляет, – поднялась мне навстречу Великая Жрица Четырех Хранителей.

Она ждала в павильоне, выстроенном на сваях. На перилах стояли крохотные свечки, как огненные гирлянды. И в их мерцающем свете белые шелковые занавеси казались клочками призрачного тумана, прикрывающие алтарь.

На столешнице из мерцающего нефрита вились символы какого-то заклинания. По краям выселись чаши на конусовидных ножках, наполненные зерном и фруктами, а в центре стояла жаровня. Благовонные палочки, воткнутые в серебряные чашечки с рисом, дымились по углам алтаря – по три на каждого Хранителя.

Обстановка не располагала к разговорам, и на вопрос Жрицы о хянге я просто отдала ей перевязанные алой лентой свитки. Ничего не хотелось, кроме одного: чтобы все это побыстрее закончилось и можно было вернуться домой, к собакам, зализывать раны и выть на нерожденную луну.

Как только свитки оказались на алтаре, в павильоне все стихло. Даже ветерок замер, перестав играть с огоньками свечей. Теперь они горели ровно, словно электрические лампочки.

Младшая жрица тенью скользнула в угол и опустилась на пол перед странным музыкальным инструментом. Он напоминал перевернутую арфу, установленную широким концом на резном постаменте. Деревянные части покрывал посеребренный рисунок. Он словно сиял своим собственным светом, и в тонких переплетениях нитей можно было различить и Дракона, и Змееголовую Черепаху, и расправившего крылья Феникса. А в основании замер приготовившийся к прыжку тигр.

Тонкие пальцы осторожно тронули струны. Вибрирующий звук завис над озером, и его тут же подхватила вторая «арфа». А потом заплакала флейта, и маленький барабан застучал, словно сердце, попавшее в ловушку.

Вскоре в странную, неровную мелодию вплелись людские голоса.

Торжественный гимн взвился к звездам. Мне оставалось только слушать да выполнять молчаливые требования помощницы. По её знаку я вышла вперед и опустилась на колени рядом с Великой Жрицей.

Она напоминала гигантский цветок лотоса. Белая юбка раскинулась вокруг широкими лепестками, серебряная вышивка поблескивала в неподвижном свете. Ей вторили украшения. Таких я еще не видела. Завитки – стилизованные облака – крепились к прическе, цепочки спускались с длинных спижек на плечи и спину. Лицо, обсыпанное перламутровой пудрой, мерцало при каждом движении, как у призрака.

Но при этом Жрица была невообразимо прекрасна. Несмотря на возраст, она могла свети с ума любого мужчину. И только священный ранг не позволил ей кружить головы.

Гимн затихал, но не успели последние звуки замереть над водой, как ему на смену пришел тихий напев. Инструменты молчали, Великая Жрица призывала своих богов.

Вспыхнули благовонные палочки и рассыпались невесомым пеплом, оставив после себя облака ароматного дыма. Они повисели несколько мгновений и исчезли, словно развеянные невидимым веером. Девушки тут же сменили сгоревшие палочки новыми.

Пение становилось все громче. Верховная Жрица впала в транс. Она раскачивалась из стороны в сторону, как маятник, и губы едва шевелились. Но голос оставался мощным. А когда молитва достигал пика, вскочила и, сгребя в кучу свитки, швырнула их в жаровню.

Угли зловеще вспыхнули, и огонь жадно впился в шелковистую бумагу, пожирая её, как сухую солому. В небо поднялись черно-белые клубы дыма.

Пение прекратилось. Теперь жрица всматривалась в завихрение широко раскрытыми глазами. В них плескалась тьма настолько густая, что, казалось, передо мной не человек.

А облако двинулось в нашу сторону.

По спине пробежал холодок. Первым движение было вскочить, но помощницы не дали возможности даже отодвинуться. Дым окутал мягким одеялом. Он пах пряностями. Горячими, как поцелуй любимого. Жаркими, как объятия. И тяжелыми, как обида.

Глаза сами закрылись, и последнее, что я почувствовала, руки, не позволяющие упасть на жесткий пол.

Предраассветный час, когда ночные птицы уже отправились на покой, а дневные только-только просыпаются, звенел тишиной. Она меня и разбудила.

Роса обильно покрывала перила и пропитала занавески, отчего ткань висела прозрачными тряпочками, и у ветерка не хватало сил ни закинуть её внутрь павильона, ни подбросить над водой. Но одеяло, которым я оказалась укутана, осталось сухим.

Стоило повернуть голову, как она отозвалась болью. Тут же чья-то рука поддержала под спину, помогая сесть, а у губ оказалась фарфоровая чаша. Горький вкус лекарства взбодрил и вернул ясность мыслей.

Напоив меня, послушница помогла лечь обратно.

– Госпожа Великая Жрица велела вам отдыхать.

Отдыхать. Чтобы в голову лезли дурацкие мысли и крутились там, сводя с ума?

– Мне нужно домой.

Послушница не стала отговаривать. Просто кликнула помощников и помогла дойти до ворот.

Паланкин показался даром Хранителей! Ноги дрожали, тело стало липким от холодного пота, но при этом было жарко. Слабость накатывала волна за волной, и держалась я только на гордости.

Что там вчера творила Ласар? Вспоминать не хотелось, а мерное покачивание навевало дрему.

– Госпожа! Госпожа!

Очнулась от громкого шепота. Испуганная служанка протягивала руку, чтобы помочь выйти, а сама косилась куда-то в сторону.

– Госпожа возвратилась! – послышался знакомый голос.

Линен! Она вернулась!

Радость придала сил, и я быстро выбралась из паланкина. Но от резкого движения накатилась слабость, и земля рванулась навстречу. Хорошо, служанка вовремя меня подхватила.

– Да что же вы делаете!

По ступенькам от ворот спускалась Линен. Худая, бледная и очень злая. Настолько, что даже я испугалась.

– Немедленно помогите госпоже зайти в дом! Лентяйки!

Теперь понятно, почему все так перепуганы. Даже ёнмино старались скрыться от зоркого взгляда.

– Тише, а то домочадцы разбегутся!

Я была искренне рада увидеть друга, с которым разделяла тяжелые дни.

– Таких домочадцев поганой метлой гнать надо, а не беречь! Хозяйка едва живая вернулась, а они глазами хлопают! Быстро уложите госпожу и позовите лекаря!

– Не надо лекаря! – взмолилась я. – Великая Жрица ритуал проводила, так что ничего страшного, обычная усталость. Вот отосплюсь...

Но Линен моим служанкам казалась страшнее. Они довели меня до комнат и помогли переодеться в домашнюю одежду. На столе появилась чашка с густым супом из бычьих хвостов со специями. Примчался лекарь – хоть его и заставили лечить собак, дело свое он не забыл.

За дверями слышался строгий голос вернувшейся личной служанки, которая распекала учеников за то, что толпятся у входа, мешая госпоже отдыхать. Судя по звукам, там щедро раздавались оплеухи. Сдержатъ смех было невозможно: Линен сильно изменилась. Из забитой, боящейся воробьиной тени рабыни она превратилась в уверенную в себе женщину. Побывав на грани жизни и смерти, она словно стала другим человеком.

Куён оказалась единственной, кто смог прорваться сквозь заслон. И лишь потому, что уже находилась в комнате и наотрез отказалась оставлять собак одних. Доложив, что все в порядке, она убежала, бросив меня на попечение Линен.

Лекарь сообщил, что у госпожи обычное переутомление и отправился заваривать укрепляющие травы. Я не спорила – хотелось забыться.

Ласар обещала, что после снятия приворота станет легче. Похоже, обманула – тоска никуда не делась. Я скучала по Хансо, хотелось увидеть его, обнять, прижаться к крепкой груди, почувствовать сильные руки на талии...

– Госпожа!

Испуганный шепот Линен вернул в реальность. В глазах служанки застыла паника. Я провела рукой по щеке. Мокрая.

– Никогда не видела, чтобы вы плакали... так, – Линен боялась спрашивать, но и оставить госпожу наедине с горем не могла. – Кто-то умер?

– Почти, – и не соврала.

Просто не знала, кто именно: Хансо или я сама?

– Нервы – ни к черту! – выругалась под нос и поинтересовалась, где успокоительный отвар.

Но вместо лекаря в комнату вошла служанка. Она что-то прошептала на ухо Линен и испарилась.

– Что там?

Кажется, отдохнуть не удастся. Линен тут же подтвердила мои опасения:

– Госпожа, Император прислал гонца. Вы немедленно должны ехать во Дворец!

Наряд весил, наверное, целый центнер. Я едва вылезла из носилок. Демоны бы побрали эту спешку! После такой ночи нужно отоспаться как следует, а вместо этого пришлось терпеть, пока меня наряжали в негнущуюся от шитья одежду, прикалывали шиньоны, закрепляли все это килограммами серебра, а потом старательно замазывали белилами синяки под глазами.

Император, когда увидел такую красоту, даже вскочил.

– Ты больна?

И не позволил отдать положенный поклон, сразу указав на стул.

– Просто тяжелая ночь, ваше величество. Не беспокойтесь.

Я подняла взгляд и окаменела: напротив сидел Хансо-ран.

Сердце вздрогнуло и забыло, как биться. Но я справилась. К счастью, работа с животными учит собирать себя в кучу и действовать на опережение.

Он приветствовал меня наклоном головы. Нарочито спокойно ответила тем же и повернулась к Императору, готовая выслушать причину столь поспешного вызова. И от души надеялась, что она не в ёнмиране, пожирающем меня взглядом.

Сидеть рядом с ним было неудобно. Тоска никуда не делась, напротив, стала еще сильнее оттого, что ни прикоснуться, ни поговорить даже как следует. Но я поймала себя на мысли, что

больше не думаю о замужестве. Осознала четко: ни второй женой, ни тем более наложницей не стану. Лучше вот так... А потом, говорят, время лечит. Вот и проверим.

И все-таки что-то было не так. Быстрый взгляд искоса заставил похолодеть: лицо Хансо-рана застыло маской. А еще оно очень напоминало мое собственное: заострившиеся черты, такие же синяки под глазами. Отдача? Где-то я слышала, что приворот может ударить по тому, кто его навел.

Но все оказалось гораздо страшнее.

– Демоны вышли из леса раньше, чем их ждали. На целых три года раньше.

В голосе Императора звучала обреченность.

Я уже слышала об этих тварях. Они приходили из леса, что покрывал подножье Седой горы. Местные почитали её и раз в год устраивали жертвоприношение для Старца, её духа-хранителя. Но это не уберегало от чудовищ. Раз в несколько лет бесчисленные стаи вырывались из тьмы, и горе тем, кто оказывался на их пути.

В этот раз не повезло сестре Хансо-рана. В недобрый час решила она навестить родителей. Все, что осталось от неё – окровавленный кусочек накидки да погремушка маленького сына.

Войска поднялись на защиту мирного населения. Но демоны сметали заслоны, уничтожая целые деревни.

– Оружие против них бессильно. И заклинания – тоже. Я приказал Жрицам по всей стране день и ночь молиться Хранителям. Но это не помогает.

Отчаяние захлестывало Императора, как нежданное цунами. Но я смотрела не на него.

Хансо-ран пытался держаться достойно. Так как подобает ёнмирану. Но в резких складках губ притаилась ярость, а в глазах штормовым океаном плескалась боль.

– Я обязан защитить свой народ, – продолжал Император. – Ёнмираны отправляются в те края, а заодно... – он повернулся к Хансо-рану, – передай своим родителям мою скорбь. Говорят, твоя сестра была красива и добродетельна.

Хансо склонил голову. Спокойно, словно речь шла о чем-то обыкновенном. А я испугалась. Он едет мстить, а значит, может наступить момент, когда ярость захлестнет с головой, заставит забыть о том, что он – человек, и тогда сидящий в нем демон вырвется наружу.

Об этом думать не хотелось. И, хотя я слабо себе представляла, что может случиться с забывшимся ёнмираном, было страшно.

А еще...

– Ваше Величество хочет, чтобы я отправилась с Хансо-раном?

– Нет. Для тебя другое задание. Мои люди наконец-то сумели добыть тело одного из демонов и доставили его сюда. Я хочу, чтобы ты это увидела. Ступайте переоденьтесь. Придворные наряды мало подходят для поездки.

Мы поднялись одновременно. Хансо-ран сразу отправился к себе. А я не знала, что делать. Возвращаться домой? Слишком долго. Может, заскочить в ближайшую лавку и переодеться прямо там? Подумала и сама рассмеялась. Еще про «магазины шаговой доступности» осталось вспомнить!

– Госпожа Мастер над собаками!

Тихое обращение заставило вздрогнуть. Я так и не привыкла к тому, как неслышно здесь передвигается прислуга.

Передо мной стояла девушка. Почти ребенок. Судя по одежде, она принадлежала к прислуге Внутреннего Двора. Значит, приглашение исходило от Императрицы или...

– Досточтимая Кормилица Императора просит вас пожаловать на обед!

Соно! Я так соскучилась! И очень обрадовалась, что она помнила бестолковую чужестранку.

– Ну-ка, повернись! – услышала вместо приветствия. – Дай рассмотрю как следует! Совсем забыла старуху!

– Не забыла. Просто не хотела тревожить.

– Ох, – Соно повернулась, чтобы возвратиться на свое место – подобие дивана без ножек. Две служанки тут же подхватили под руки, сопроводив её эти несколько шагов. Напротив лежала большая подушка для сидения.

– Почему-то все боятся меня побеспокоить! А в этом месте почти ничего не происходит. Я словно заживо похоронена, а они называют это заботой и уединением! Велят отдыхать. Все, что остается – собирать слухи.

Так ворчат на порядки, царящие во Дворце, могла только Соно. Ёншин прощал своей кормилице любые выходки. И она была одной из тех, кто не боялся сказать правду сильным этого мира. Соно не разбирала, кто стоит перед ней: Император или последний раб. Каждый получал по заслугам.

– Совсем тебя замучили? Одни глаза остались! Садись. Сейчас на стол накроют.

– Прошу прощения, – отказывать Досточтимой Кормилице было чревато, но приказ Императора не терпел отлагательства. – Я должна сегодня же отправляться в путь, а еще предстоит много неотложных дел.

– Подождут. Все подождут, и Хансо-ран тоже. Не беспокойся, ему передали, что без беседы я тебя не отпущу. А что до остального... отправь своим людям приказ.

По её знаку принесли бумагу, кисть и черную тушь.

Вот что писать? Я планировала обежать питомник и лично раздать указания на время своего отсутствия. Да и вещи собрать надо.

Но Соно словно не понимала моего замешательства.

– Слышала, в твоём ведомстве настолько хорошо все устроено, что слуги могут работать без надзора старших. Откроешь секрет, как тебе это удалось?

– Я тут ни при чем. Просто они любят свое дело. И не брезгают учиться, – я наскоро черкнула несколько указаний для Куён и Линен. Одна должна была передать мои инструкции Сунунгу и сама кое-что сделать. Вторая – собрать в дорогу все необходимое и назначить сопровождение – смышленную служанку. Под защитой ёнмирана мне нечего опасаться, но по местным правилам знатная дама не может отправляться в путь без целого сонма прислуги. Уже то, что я решила обойтись одним человеком, бросало тень на мое имя.

– Немедленно доставьте в усадьбу Мастера над Собаками! – велела Соно, едва свиток был запечатан. И пообещала: – Не беспокойся, все успеешь в срок! А теперь раздели трапезу со старухой. Знаешь ведь, как я не люблю есть в одиночестве.

Родом из простых людей, Соно возвысилась, выкормив грудью императорского отпрыска. И теперь её статус был выше, чем у некоторых чиновников, вхожих в Зал Советов.

Это накладывало на женщину определенные ограничения. Так, она мало кого могла пригласить к обеду, не смея нанести ущерб имени своего воспитанника. Мой визит стал для неё подарком. Но все же было ясно: дело не только в этом. Настоящая причина приглашения Соно откроет чуть позже. А пока нужно просто придерживаться приличий и следовать правилам.

Чай неторопливо лился в фарфоровые пиалы, тонкие, как лепестки лотоса. От тепла нарисованные на их стенках сливовые ветки покрылись бутонами еще не распустившихся цветов.

– Чудесно, правда? – Соно углядела мой интерес. – Художники в Императорской мастерской придумали, как добиться того, чтобы краска была видна только, когда в посуду налита горячая вода. Это похоже на волшебство.

И она протянула мне пустую чашку.

На хрупких стенках – ни одной «лишней» линии. Как ни смотрела, а не заметила, где прорисованы бутоны.

– В жизни тоже многое скрыто от глаз. Иногда, чтобы увидеть, требуется кипятилок...

Она говорила о нас с Хансо-раном! Но почему выбрала такой витиеватый стиль? Соно всегда выражалась прямо. Значит, есть причина.

Я покосилась на служанок. Сервировав стол, они отступили на несколько шагов. Недостаточно, чтобы не слышать того, о чем говорится в беседке. За Соно следят? Но кто? И зачем?

Спрашивать напрямую не стала, просто подхватила:

– Мастера и вправду волшебники. Но, как бы они ни старались, фарфор остается фарфором: слишком хрупкий, чтобы выдержать очень горячую воду. Или излишне холодную.

Соно улыбнулась. Она поняла аллюзию.

– И все-таки этот материал довольно крепок. Прежде чем стать фарфором, глину месят, отбивают, выдерживают в земле. А потом отправляют в печь. И жар там сильнее, чем жар от горячего чая. Фарфор становится вечным и при должном обращении переживает не одного своего владельца. Его передают по наследству, преподносят, как драгоценность, а потом окутывают легендами.

– Но если его все-таки разбили, то как ни склеивай, а вода просочится сквозь трещины. И из прекрасной чаши никогда больше не удастся испить чаю.

– Но кто знает, трещина это или просто художник невзначай провел тонкой кистью, нарисовав линию ради забавы? Прежде чем выкидывать дорогую сердцу вещь, следует убедиться, что она на самом деле безвозвратно испорчена.

– Горячая вода выявит все изъяны.

– И такое бывает, – покладисто согласилась Соно и потянулась за палочками. – Давай поедим, тебе на самом деле нужно торопиться.

Дальше беседа потекла прямо, без иносказаний и загадок. Соно искренне интересовалась питомником, сокрушалась, слушая о приключениях в Террахе.

– Надеюсь, больше тебя туда не отправят.

– Я тоже, – ответила совершенно искренне. Хотя, по сути, Террах превратился в тыл: я в любой момент могла уехать туда, Дэмин обещал ждать и устроить не хуже, чем в Ранко. Но Страна Весеннего Аромата успела стать родной. Ёншин, Куён... ребята, что так старательно изучали кинологию... И Хансо. Хотя он как раз и мог заставить бежать из страны без оглядки.

– Вижу, ты не следуешь новой моде, – указала Соно на мои волосы.

Перемена темы получилась резкой, но была кстати – заниматься самокопанием сил не осталось.

– Я даже о ней не знала. Теперь волосы по-другому укладывают?

– Да, наверчивают на макушку так, словно там рог вырос, – Соно хихикнула, прикрыв рукой рот. – И какие бы украшения ни цепляли, сверху обязательно бубенчик или колокольчик!

Так вот что это за перезвон я слышала, когда шла по дорожкам дворцового сада. Задумалась сильно, по сторонам не глядела, вот и не увидела, что мода изменилась.

– Пойду обратно, обязательно посмотрю. Наверное, забавно выглядит!

– Очень! Но неужели ты этого в Террахе не видела? Оттуда дамы занесли новинку!

Я старательно вспоминала, как убирали волосы при дворе террахской Императрицы. Ничего, похожего на рог с бубенчиком, не припомнилось.

– Ну, значит, придумали уже после твоего отъезда. Или из наших кто, лишь бы выделиться.

– Зачем?

Я знала о конкуренции в гаремах. Женщины старались выглядеть красиво и молодо каждую минуту, даже спать ложились, нанеся макияж и надев специальные украшения. Некоторые доходили до абсурда, но чтобы это подхватили остальные?

– Внимание привлечь. Этот мир принадлежит мужчинам, женщинам в нем отводится последняя роль, поэтому приходится прилагать усилия, чтобы удержаться на вершине лестницы, куда мы поднимаемся за своими мужчинами. Но... стоит ли оно того? Слепо следовать за отцом, супругом, братом... Повиноваться, не смея поднять взгляда... В юности я думала, что быть собой для женщины невиданная роскошь. Что так живут все вокруг. А сейчас, на закате лет, познакомилась с тобой. И у меня словно глаза открылись. Я смотрела, как ты идешь по иному, непохожему на наш, пути, как ставишь ногу на первую ступеньку, как поднимаешься на вторую, и понимала: вот та, кто ломает привычный уклад. Хотя бы ради себя самой.

На глаза набежали слезы, пришлось отвернуться. А Соно продолжала:

– Прошу об одном: не разбивай чашу, пока не остудишь голову. Сама говорила, что склеенное никуда не годится. Ты же сейчас уезжаешь? Вместе с Хансо-раном?

И она туда же! Ох, мудрая Соно! А я-то ждала совета! Ответить прямо не решилась, испугалась, что подведет голос. Только кивнула в ответ, пряча глаза.

– Вот и постарайся решить за это время, нужен тебе такой муж или нет. Сможешь делить его с кем-то или нет. Сумеешь ли полностью подчиниться нашим традициям или хочешь остаться собой? Вот когда сама поймешь свою цель, только тогда и действуй. Но после уж не собирай черепки! Выбрось их из своего сердца, как ненужный мусор, потому что осколки ранят не хуже острого ножа.

Соно замолчала. Мое сердце успело сделать три удара, когда она заговорила снова:

– Вон, Силу ведет кого-то. Погоди... это же Куён?

По дорожке, глаза по сторонам и крепко прижимая к груди объемный узел, невозмутимо шла моя неугомонная ученица.

– Иди ко мне, девочка, дай посмотреть на тебя! – Соно вскочила, как молодая. – Как ты выросла!

Она ворковала над Куён, а та чуть не подпрыгивала на месте от радости видеть бабушку, что возилась с детишками в тайной деревне. Но при этом очень старалась вести себя вежливо и казаться взрослой.

– Зачем ты пришла? – я оттеснила кормилицу от девушки. – Линен было велено прислать служанку.

– Она сказала, что раз Император дал вам какое-то задание, значит, оно связано с собаками. И здесь я окажусь полезнее простой служанки.

– В её словах есть смысл, – кивнула Соно. – Ты принесла госпоже дорожную одежду?

– Конечно! – Куён протянула сверток. – А еще у ворот Дворца ждет повозка. Ученики уже собираются, чтобы проводить Мастера.

– Это еще зачем? – не поняла я. Но судя по улыбке Соно, все было правильно.

Переодеться самостоятельно Куён не позволила, и служанок кормилицы не подпустила. Отчитала их не хуже, чем юных ёнмино!

– Линен велела мне позаботиться об Учителе. Неужели я доверю Мастера каким-то девчонкам?

На языке вертелось, что эти «девчонки» старше неё самой, но Куён ворчала так забавно! Да и сменить придворный наряд на удобный дорожный хотелось как можно скорее. Линен права: Ёншин не просто так отправил меня смотреть на демона. Это было или связано с собаками, или...

От неожиданной догадки ноги ослабли. Это могло оказаться простой уловкой. Я злилась на всех вокруг, на Хансо-рана, но кто знает, выдержу ли его постоянное присутствие? Его ежедневную опеку...

В кои веки порадовалась, что наняла Линен. Она часто оказывалась умнее меня. Вот и теперь прислала повозку.

Деревянный короб с занавешенными окнами дожидался там, где сказала Куён – у ворот. Но увидеть рядом готового к дальнему пути Сунунга я не ожидала.

Заметив нас, он бросил поводья верховой лошади стоящему рядом парню и заторопился навстречу:

– Мастер...

– Что здесь происходит?

К повозке подтягивались старшие ученики с собаками. За плечами у каждого болтался мешок на лямках – как для дальней дороги.

– Госпожа, простите, нам не хватило времени подготовиться как следует. Повозка с припасами и самым необходимым будет ждать у городских ворот.

– Зачем? Я, вообще-то, думала, что Линен пришлет пару лошадей и немного еды...

– Даже это необязательно! – к нам подъехал Джунджу. – Господин уже приказал приготовить все, что может понадобится госпоже в дороге.

Сунунг отреагировал слишком быстро и очень бурно. Развернулся к енмино и медленно, чуть ли не по слогам произнес:

– Разве Мастер над собаками – нищая попрошайка? Неужели уважаемый Хансо-ран считает, что в Школе не найдется ни лошади, ни повозки, ни тем более – еды? Передайте ему нашу благодарность за беспокойство, но о госпоже позаботятся её ученики.

Джунджу хмыкнул, но спорить с едва сдерживающим ярость Сунунгом не решился. Только коня развернул так, чтобы из-под копыт взлетела пыль. Один из учеников тут же встал между мной и серым облаком. Движение выглядело таким естественным, что на глаза снова навернулись слезы.

– Госпожа, прошу, – Сунунг указал на повозку.

Спрятаться в ней от окружающего, от боли и непонимания, от назойливых взглядов... Я не могла позволить себе такой роскоши.

– Что ты творишь?

– Я уже сказал это человеку Хансо-рана и готов повторять снова и снова: вы – Мастер над собаками. И должны соответствовать своему статусу. Хороши же будут ученики, если отпустят вас одну! Да в нас последний нищий сможет плюнуть безнаказанно!

– Это я понимаю. Но зачем ты притащил собак?

– Мастер всегда упоминала о необходимости рабочих испытаний, – Сунунг заговорил обо мне в третьем лице, подчеркивая, во-первых, важность сказанного, а во-вторых – намерено показывая уважение. – Думаю, путешествие будет хорошим экзаменом и для собак, и для людей. Вы увидите, кто чему научился, в деле.

– Хорошо путешествие! До соседней деревни!

Но, бурча на Сунунга, я уже знала, что проиграла: если он что-то решил, выполнит обязательно. Да и то, что теперь я могла укрыться от Хансо хотя бы за стенками повозки, было кстати.

Сунунг подал руку, помогая подняться по приставным ступенькам. Устраиваясь с собаками на подушках, я слышала его голос:

– Отправьте посыльного к ёнмиранам. Мы будем ждать у ворот.

– Постой! – я высунулась в окно, ища взглядом Куён. – С кем ты оставила собак?

– С Линен! – потупилась девушка, ожидая головомойки за самоуправство.

– Сунунг! Нужно заехать за ними.

– Нельзя, опоздаем. Куён сбегает и приведет прямо к воротам!

Этого я допустить не могла. Одно дело приглядеть за Дашей с Ньютой в питомнике, и совсем другое – тащить их через весь город. На то, чтобы выпрыгнуть из повозки, потребовалось несколько секунд:

– Слезай! И отправляй караван к воротам, я туда и подъеду!

Сунунг тут же опустился на колено, подставляя под ноги плечо. Как я ненавидела этот обычай! Но здесь, на виду сотен людей, а главное – енмиранов, приходилось «держаться лицом».

– Ждите у ворот!

На нагруднике лошади не было алой кисточки, позволяющей мчаться галопом по улицам города. Но рысью передвигаться дозволялось. Копыта глухо ударяли о землю, а я думала о том, что Сунунг своей отповедью вправил мозги куда быстрее и проще, чем все друзья вместе взятые.

И поэтому не заметила вылетевшую непонятно откуда серебристую рыбку метательного ножа.

Захрипел, поднимаясь на дыбы, конь. Окружающие с визгом кинулись врассыпную, стараясь не попасть под рубящие воздух копыта. Я не понимала, что случилось, что напугало спокойного всегда мерина, и когда он начал заваливаться на спину, едва успела спрыгнуть.

Ударилась сильно, так, что еще долго корчилась на земле, не в силах вдохнуть. Но знакомый сигнал поняла сразу и из последних сил откатилась в сторону. В место, где я только что лежала, воткнулся нож.

– Взять!

Короткий, резкий приказ, и собачья тень перемахнула прямо через меня. А её хозяин закружился рядом, отбивая мечом летящую сталь.

Я наконец-то отдышалась и сумела приподняться на руках. Улица опустела, даже калеки, что просили подавание, старались убраться подальше.

– Уходите! Я вас прикрою!

Лой, присланный в Школу еще до моего отъезда в Тетрах, пригнулся, всматриваясь в узкий проулок. Туда умчался его пес. А через мгновение воздух прорезал истошный собачий визг.

– Рисли! – в крике парня сквозила паника и страх. Не за себя – за друга. Забыв обо всем, он кинулся в проулок. Я хотела бежать следом, но грудь разрывало от боли.

Ноги подкосились, пришлось опуститься прямо на землю. В глазах темнело, но терять сознание было нельзя – убийца мог оказаться рядом. А Лой убежал... И я понимаю почему. Сама бы рванула, случись что с девчонками.

Пальцы сжали ножны. Тренировки не прошли даром, но я все еще не могла соперничать с хорошим воином. А чтобы раскрутить пращу, надо встать на ноги. Но сил на это не хватает. Я огляделась в поисках того, на что можно опереться. Не ползти же до ближайшей стены!

Мертвый конь лежал рядом. В шее торчал нож. Маленькая серебристая рыбка. Её хвост раздваивался, и с него свисала алая ленточка. Интересно...

– Не трогайте! – в голосе Лоя слышалась паника. Он выронил тело своей собаки и кинулся ко мне. Я вздрогнула и одернула руку, задев острый «плавник».

Словно к расплавленному железу прикоснулась. От боли закружилась голова и в глазах потемнело. Собственный крик полоснул по ушам, заглушая голос Лоя. Парень оттащил меня от лошади и, не давая упасть, сорвал с пояса белый нефрит:

– Это «Исполняющий указы»! У ворот дожидаются люди Мастера над собаками. Доложите им о случившемся! И приведите лекаря!

Кто-то сорвался с места. Куда? Зачем? Ах да... Не выполнить приказ обладателя нефрита значит лишиться головы... Молодец Лой, сообразил. Но почему так болит рука? Кажется, в ладонь вложили пульсирующий огненный шар.

А юноша сделал надрез прямо поверх царапины. Странно, но новой боли я не почувствовала.

– Что ты делаешь?

– Нож пропитан ядом, – буркнул Лой и приник к ранке губами.

– Не смей, – я попыталась оттолкнуть его, но сил не хватило. – Прекрати! Не рискуй...

Он то ли не слышал, то ли не слушал. Знай сплевывал кровавую слюну. И косился то на меня, то на дорогу. Со стороны Дворца слышался шум. Наверное, Сунунгу уже донесли о случившемся. Сейчас будет ругаться.

Сил совсем не осталось. Я закрыла глаза, устав от борьбы. Темнота обступила со всех сторон, затягивала в самое нутро мрачной воронки. Но полный боли и отчаяния крик заставил меня вынырнуть:

– Стелла! Не уходи!

Рядом, упав коленями на землю, не обращая внимание на то, что пачкает дорожную одежду, выл Хансо.

Почему он не подходит? Почему не возьмет за руку, не обнимет? Ах да, Хансо же теперь женат... Ему нельзя просто так прикасаться к чужим женщинам... Хотя почему – чужим? Разве я не хочу принадлежать только ему?

Чтобы понять, что происходит, пытаюсь оглянуться.

Растерянные лица ёнмино... Испуганные – прохожих... Почему они так шумят? И почему все темнеет? Разве уже вечер? И почему так трясет?

Выныривая из забытья, слышу топот копыт, крики возницы, вопли разгоняющих зевак стражников. Успеваю удивиться, что мы еще в городе, но снова проваливаюсь в темноту.

В себя пришла на просторной кровати и явно не дома. На столе горела свеча, на полу сидя дремала служанка. Судя по её одежде, я во дворце. И наверняка во Внутренних покоях. Но почему?

О том, что произошло, вспомнила не сразу – мысли ворочались в голове, путались, не позволяли ухватиться за какую-нибудь одну. Но постепенно память вернулась.

Скачка. Падение. И отчаянный собачий визг.

В том, что это покушение, сомнений не осталось. Наверное, у Императора тоже, раз спрятал меня в женской половине своего дома.

Но где Даша с Ньютой? Живы-здоровы? Куён за ними присмотрит, накормит-погуляет, но осознание, что мои собаки где-то далеко и без меня, была неприятной. Нужно немедленно вернуться в питомник!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.